

объясненные. М., 1954. – 457 с. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1996. – 170 с. Голубовская И. А. Этнические особенности языковых картин мира: Монография – Киев: Издательско-полиграфический центр «Киевский университет», 2002. – 239 с. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2001. – 400 с. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры//Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. III. - Таллин, 1993. – 234 с. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ./Общ. ред. и вст. ст. А.Е.Кибрика, - М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1993. - 656 с. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

САВИЦКАЯ И.

(Белорусский гос. ун-т)

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ (БЕЛОРУССКИЕ СЛОВАРИ КОНЦА XIX – НАЧ. XX ВВ.)

Research objective is the analysis of an ethnographic and national-cultural component in the Belarus dictionaries of end XIX - beginnings XX. For object in view achievement are solved centuries problems of definition of a role and a place of national marked components in I.I. Nosovich's dictionaries and lexicographic sources 20th XX century. In the Belarus national lexicographic have acted as historical and cultural determinants of national language, consciousness the historical past and traditions of the people, its developed customs and norms of behavior.

Key words: *national lexicographic, entry, normalization of the Belarus literary language.*

Целью исследования является анализ этнографической и национально-культурной составляющей в белорусских словарях конца XIX – начала XX вв. Для достижения поставленной цели решаются задачи определения роли и места национально маркированных компонентов в словарях И.И. Носовича и лексикографических источниках 20- гг. XX в. Объектом исследования является лексикография указанного периода, предметом – национально маркированные реестровые единицы. Изучение национального самосознания происходит с использованием метода контент-анализа [Крысько 2002, с. 293] – одного из методов этнопсихологических исследований, при помощи которого происходит анализ и оценка информации в научных источниках, художественной и мемуарной литературе, документации и т.д. путём выявления и фиксации смысловых единиц текста. К таким источником можно отнести и национальные словари, в которых в значительном количестве содержатся национально ориентированные компоненты, известные носителям языка, возобновляющиеся в их речи и маркирующие их в глазах иностранцев.

Национальное самосознание носителей определённого языка составляет их психологическое и культурное единство, т.е. устойчивые связи и отношения людей внутри социальной группы. Согласно данным этнологов, этничность группы людей

определяется такими показателями: «их [людей] владением **языком этноса** и признанием его в качестве “родного”, умением использовать его в общении; их усвоением каких-то **комплексов культуры** этноса, к которому они принадлежат, и умением использовать эти комплексы в повседневной жизнедеятельности; их использованием (и сохранением) **традиций поведения** и **образа жизни** этноса, к которому они принадлежат; их **самосознанием** принадлежности к какому-то этносу, имеющему соответствующий этноним» [Ешич 2002, с. 21-22].

В этом аспекте могут быть рассмотрены «Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича (1870) и белорусские словари 20-х гг. XX в. Важным является не только лексический материал этих источников, но и хронология их выхода. Современный белорусский литературный язык как высшая форма национального языка начал складываться довольно поздно – в XIX в. – по причине определённых социальных и исторических факторов (для сравнения: староукраинский язык XIV – середина XVIII веков, современный украинский язык – с конца XVIII в.). Необходимо отметить, что как в первой, так и во второй половине XIX в. во взглядах на белорусский язык не было единства: некоторые исследователи (Б. Линде, М. Максимович) считали его самостоятельным славянским языком, другие (И. Срезневский, А. Соболевский) рассматривали его в качестве диалекта либо русского, либо польского языков. Работа экспедиции 1860-х гг. Географического Общества в т.н. «западнорусском крае», которая должна была описать «племенные и бытовые различия народностей западного края, их численные отношения, распределение по вероисповеданиям и степеням культуры, наконец хозяйственный быт и степень материального благосостояния» [Пыпин 2005, с. 213], также не способствовала окончательному утверждению самостоятельности белорусского языка и вообще белорусской культуры: «Деятели 1860-х годов в западном крае так много говорили об «объединении», «обрусении» и т.п., так усердно настаивали на удалении всего местного, напоминавшего «польское» влияние, так усердно считали польским всё, что не было похоже на московское, что местная жизнь стала прятаться в скорлупу, и учёным исследователям (особенно прежде чуждым краю) с трудом приходилось бы отыскивать её проявления, вместо того, чтобы видеть её тотчас воочию без канцелярских ширм» [Пыпин 2005, с. 215]. Несмотря на это, проведённое этнографическое исследование Беларуси выявило богатое древнее наследие белорусского народа, которое требовало анализа и лексикографической систематизации.

Таким лексикографическим источником стал «Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича, запланированный Императорской Академией наук в качестве второй части «Опыта словаря областных наречий», но изданный в Санкт-Петербурге в 1870 г. как самостоятельный труд. И. Носовичу было поручено составить словарь, который систематизировал бы лексику живого народного говора и был бы одновременно источником для лингвистических исследований белорусского языка и пособием при чтении древних памятников письменности.

Это было самое полное на то время собрание лексики и фразеологии живого белорусского языка, которое охватило более 30 тысяч слов белорусской речи XIX в. Значения слов и словосочетаний раскрываются авторскими толкованиями, иллюстрациями в виде пословиц, поговорок, загадок, сток из народных песен и цитатами из общелитературной, а также диалектной (восточнобелорусского, т.е. «кривицкого» ареала, который автор считал наиболее «чистым» в этногенетическом плане) речи: *китка – Вязка сена отъ 5 до 10 фунт., нарочито употребляемая для*

продажи (Въ Минской, Гродн. и Виленск. губерніяхъ; **неколокъ** 1) Въ Могилевской и Витебской губерніяхъ). Печурка, куда загребають жаръ изъ печи. 2) (Въ Минской и Гродненской губерніяхъ). Очажекъ; **рея** (Лит. Reie). Рига, овинъ (употребляется въ Гродн. и Минск. губ.; въ прочихъ же Белорусскихъ губ. Евна).

Толкование лексического значения слова с добавлением собственнолингвистических, исторических, этнографических сведений и лингвострановедческого комментария происходило разными способами: 1) указанием на субъекта (говорящего), который наиболее часто употребляет слова, по его происхождению или социальному либо бытовому статусу: **апробація** – одобрение, утверждение. (Слово употребляемое среднимъ и высшимъ классомъ народа); **ассекюрація** – (слово, употребляемое шляхтами и Польскими помещиками въ разговоре объ интересахъ имения или капитала.) 1) Поручительство за кого либо. 2) Обезпечение имения; **ачкурникъ** – (слово бранное на крестьянъ). Мужик. Лапотникъ;

2) определением (не всегда точно) этимологии слова с указанием на язык-донор: **гербата** – *Herba thea*. Чай; **люстро** – заимствовано из Польскаго. Зеркало; **могоричъ** (Лит. *Magaricz* – попойка после торга). 1) Барышъ. 2) Угощение, попойка при мене, продаже или какихъ либо другихъ сделкахъ; **обецоваць** – (Слав. Обетовати). Обещать; **вантура** – (отъ Фр. *Aventure*). 1) Происшествіе. 2) во множ. Шутки, шутики, ухватки; **цалёвка** – (отъ Нем. *Zoll* – дюймъ). Дюймовая въ толщину тесница, употребляемая для обшивки деревяннаго строенія; **герцаць** – (заимствовано отъ Евреевъ, говорящихъ по немецки). Мотать, плутовать;

3) указанием на ареал распространения слова: **дзубня** – (въ Виленской, Ковенской и Гродненской губерніяхъ.) 1) Палка вязовая, березовая или дубовая, съ острымъ железнымъ концемъ. 2) Неповоротливая девка и упрямая лошадь; **нудосный** – (въ Гродненской и Минской губерніяхъ). 1) Грустный. 2) Досадный, досадительный, наводящій тоску; **нудотный** – (въ Могил. и Витеб. губ.) Тоже, что Нудосный въ обоихъ знач.;

4) этнолингвистическим и краеведческим анализом языковой единицы: **сакрамэнт** – Тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа. Слово заимствованное отъ Поляковъ и употребляемое только въ бывшихъ уніатскихъ приходахъ; **кровь** – 1) Кровь (это слово въ Белорусскомъ наречіи въ родит., дат. и предл. падежахъ ед. ч. имеетъ криви. <...> Древнее названіе Славянскаго племени Кривичи, по Польски *Krewicz*, по Немецки отъ Польскаго же *Krewings*, можетъ быть произведено отъ криви, и въ такомъ случае можетъ значить: кровные, единокровные, соплеменные). 2) Племя, корень племени.

Отличие белорусского языка подчёркивалось не только историческим и краеведческим комментарием, который придал словарю определённую историко-культурную ценность, но и собственнолингвистическим анализом многих реестровых единиц, согласно которому многие лексемы либо оказались отличными от других языков, либо приобрели белорусскую фонетическую или грамматическую специфику при заимствовании.

Помещая в Словаре наименования-этнографизмы, И.И. Носович не только семантизирует их, но и даёт исторические сведения об их возникновении, косвенным образом подтверждая этническую давность и аутентичность «техъ местностей, которыя некогда населяло Кривичское племя» [Насович 1983, Вступление к Словарю]: **куница** – 1) Платежъ помещику за девицу, выдаваему въ замужество, а особенно въ чужое имение. Въ древности куницы, или куньи шкурки употреблялись вместо денегъ. 2) Кандалы. Въ старину при каждой церкви находилась прикованная къ стене, близъ

входа, железная цепь съ таковымъ же наручникомъ, или наножиномъ, или ошейникомъ, называвшаяся куницею, которую надевали на явныхъ грешниковъ, присужденныхъ къ публичному покаянію. Даже въ начале XIX столетія, видны были еще въ древнихъ Белорусскихъ православныхъ церквахъ такъ называемыя куницы, наводившія страхъ на простолюдиновъ. Ныне нигде нетъ куницъ; но слово это еще живетъ въ говоре простолюдиновъ, какъ историческое.

Мифологические представления белорусов в «Словаре белорусского наречия» нашли отражение, в частности, в реестровых единицах – наименованиях мифических существ, персонажей из народных сказок и суеверий: *вовколак, доброхот, домовик, клетник* и др. Примечательно, что при семантизации таких слов И. Носович ссылается на «суевѣріе простолюдиновъ», однако при этом не принижает их, а часто защищает, уточняя иллюстрационные сведения согласно с приемлемыми для самого составителя убеждениями: *Купала – Такъ называютъ Белорускіе простолюдины святаго Іоанна Крестителя, котораго память празднуется 24 Іюня. Вместо Іоаннъ Креститель, они говорятъ Іванъ Купала, на Івана Купалу, предъ Іваномъ Купалою, следовательно существованіе, по мненію Славянскихъ мифологовъ, какого-то древняго, баснословнаго божества Купалы, которому будто поклонялись древніе Славяне, есть очевидная выдумка. <...> Въ Белорусскихъ песняхъ, приновреленныхъ къ этому гуляню протонародной молодежи, нетъ ни малейшаго намека о боготвореніи небывалаго божества Купалы. Въ одной же изъ песенъ Белорусскихъ, изданныхъ въ 1855 г. Яномъ Четомъ, въ Вильне, латинскимъ шрифтомъ, слова: “Самъ Богъ купався”, ясно указываютъ, что по мненію самихъ простолюдиновъ Іван Купала есть Іоаннъ Креститель.*

Словарь И.И. Носовича был начат как «Опыт словаря *областных наречий*» (курсив наш – И. С.), но в процессе составления превратился в «Словарь *белорусского наречия*». По причине запоздалости складывания белорусского национального языка невозможно было отразить разветвлѣнную белорусскую стилистическую систему. Однако обобщение в одном источнике богатейших лексических ресурсов т. н. «наречия» дало И. Носовичу возможность подчеркнуть наличие на славянском языковом ландшафте самостоятельного славянского языка, а использование стилистических помет к определённым лексемам – подчеркнуть формирование национальной лексической самобытности этого языка при употреблении в разных языковых ситуациях.

Подобную задачу призваны были решать белорусские словари в другой исторический период – в 20-е гг. XX в. В белорусском языкознании и лексикографии этого времени также преобладали этноцентристские тенденции, которые нашли выражение в стремлении к широкому употреблению языка в сферах, недоступных для него ранее. Поэтому актуальные проблемы белорусского языкознания 20-х гг. обусловили работу по поиску направлений нормализации белорусского литературного языка, причѣм научное осмысление этой работы опиралось на необходимость исторической и этнической консолидации нации. Ученые-лингвисты и просто энтузиасты «беларушчыны» охотно использовали в своей работе над исследованием ресурсов белорусской лексики как непосредственно реестровый материал словаря И.И. Носовича, так и этническую и краеведческую составляющую его труда.

В частности, в некоторых переводных словарях этого периода («*Маскоўска-беларускі слоўнік*» 1920 г. Г. и М. Горецких; «*Невялічкі беларуска-маскоўскі слоўнік*» 1919 г. М. Горецкого; «*Практычны расійска-беларускі слоўнік*» 1924 и 1926 гг.

М. Байкова и М. Горецкого и др.) зафиксированы в качестве реестровых слов белорусские имена собственные (*Гануля – Аннушка; Юрка – Георгий, Юрий; нац. бел танец; Юстын – Устин; Якуб – Яков; Янка – Иван*); названия мифологических существ (*ваўкалак – человек, обратившийся или обращенный в волка; Купала – мифич. существо, бог любви; Смок, или Цмок – сказочный змий, страшное миф. существо; Стаўры-Гаўры – название миф. существ, собаки миф. князя Боя*); названия христианских праздников и обрядов (*Купалле – ночь на 24 июня ст.ст., Иванов день, белорусский праздник в честь весны; Ражство – Рождество I.X., 25 дек. ст.ст.; Юр'е – праздник в честь св. Георгия (23 апр. ст.ст.), имеющий у белорусов нац. черты*), названия национальных исторических событий и персон (*сойм – сейм, собрание народных представителей; падкаморы земскі – управляющий межевой частью (министр Белор.-Литов. княжества); падскарбі земскі – министр финансов (в Бел.-Лит. княжестве)*); названия людей – участников национальных обрядов (*валачобнікі – пасхальные поздравители-певцы; каравайніца – родственница, наблюдающая за печеньем каравая и ходом всего соответствующего церемониала*); национальные ритуальные и мифологические обряды, верования, предметы (*дуда – волынка особого устройства, белорусский национальный инструмент; прошча – священное место; суроцы – вредное действие глаза, дурной глаз; талака – работа миром за угощение*). Как и в своё время И.И. Носович, составители словарей 20-х гг., осознавали, что среди реестровых единиц такие слова, прецедентные для белорусского этнического сознания, необходимы не столько для перевода привычных лексем конфессионального или бытового употребления, сколько с целью передать их этнографическую аутентичность.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что национальная лексикография не только является одним из источников изучения и средством кодификации национального литературного языка, но и выполняет функцию выразителя национального самосознания носителей языка. Реестровая часть словаря, выражая наклонности его составителей, содержит лексические единицы, насыщенные этнолингвистической информацией, что усиливает роль литературного языка в процессе ускорения этнической и государственной консолидации. Анализ национально-культурных компонентов белорусской лексикографии определённых исторических периодов представляется актуальным для этнологической теории и требует дальнейшего исследования и сопоставления в рамках национальной лексикографии восточнославянских языков.

Літэратура

Ешич М.Б. Этничность и Этнос // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2002. – С. 7-71. *Крысько В.Г.* Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр "Академия", 2002. – 320 с. *Насовіч І.І.* Слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1983. – 792 с. *Пытин А.Н.* История русской этнографии. Т. 4.: Белоруссия и Сибирь. – Минск: БелЭн, 2005. – 256 с.